

ВЛИЯНИЕ АРХИТЕКТУРЫ ЭНЕОЛИТА КАВКАЗА НА РАЗВИТИЕ АРХИТЕКТУРЫ ЭНЕОЛИТА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Польщикова Н.В., к. арх., доцент кафедры основ архитектуры и дизайна архитектурной среды
Одесская государственная академия строительства и архитектуры
Тел. (048) 720-63-72

Аннотация. Рассматривается развитие архитектуры энеолита Кавказа и её влияние на развитие архитектуры энеолита Восточной Европы.

Ключевые слова – энеолит, влияние, сообщества культуры, Предкавказье, Черноморское побережье Кавказа, Восточная Европа, поселения, жилища, захоронения, эпоха бронзы

Резюме. Період енеоліту, чи віку міді, у Східній Європі продовжувався майже 2000 років (IV – початок II тис. до н.е.). Це той час, коли міграції модних мас у основних напрямках захід – схід, схід – захід, південь – північ забезпечували впливи культурних наслідків на якнайбільших територіях, що давало сильні імпульси для загальнономодського прогресу. Тому виявлені впливи на становлення і розвиток архітектури у Східній Європі мають ключове значення для усвідомлення шляхів розвитку архітектури на цій території і подалі.

Постановка проблеми. Основними літературними джерелами для виявлення історических зв'язей в енеоліте між соціальними групами енеоліта Кавказу і соціальними групами сусідніх територій служать праці по археології і історії Північного Кавказу і сусідніх територій, опубліковані в кінці ХХ в.: із серії «Археологія СРСР»: «Неоліт» і «Энеоліт», 80-х гг. видання; із 3-х томника «Археологія Української ССР», Т.1: «Первобутийна археологія», 1984 г. видання, і 3-х томника «Давня історія України» Т.1: «Первісне суспільство», видання 1999 г. В вказаних літературних джерелах не показані чітко взаємозв'язи названих соціальних груп енеоліта, що ускладнює розуміння ролі соціальних груп енеоліта Кавказу в формуванні культури сусідніх соціальних груп.

Аналіз останніх досліджень. В літературі по архітектурі і будівництві даний питання майже не розкрито. Однак необхідно розглядати розвиток будівництва і архітектури енеоліта Восточної Європи в відповідності з розвитком будівництва і архітектури Євразії в цілому, особливо в районах, прилеглих до території Восточної Європи. Початкові дані для рішення цього питання мають тільки в археологічній і історичній літературі.

Ціль роботи. Дослідити процес будівництва енеоліта Кавказу, виявити загальні риси в будівництві і архітектурі со будівництвом і архітектурою Восточної Європи і вказати час взаємозв'язей на даних територіях.

Завдання роботи. Об'єднати в загальний процес розвитку і становлення архітектури і будівництва енеоліт Північного Кавказу і Восточної Європи.

Природному територіальному сусідству Північного Кавказу до півночі і заходу відповідають: Предкавказье, Черноморське узбережжя Кавказу і степна зона Восточної Європи від Південного Уралу до низов'язь Дунаю. Саме в цих територіальних межах в даній статті проаналізовані і обобщені наявні літературні дані і показані історическі зв'язі населення територій в вказаних межах, що дозволило виявити історическу спадковість в розвитку кожного із культурних соціальних груп, їх

взаимовлияния и дальнейшее развитие в эпоху энеолита и в последующее время. Географическое положение Северного Кавказа обеспечивало его населению многосторонние контакты с населением соседних территорий: южная граница Северного Кавказа соседствует с Передней Азией (с областью «плодородного полумесяца», прежде всего с Заграсом – древнейшим очагом мирового земледелия); северная – со степями Северного Причерноморья, Подонья и Поволжья. Такие контакты широко отмечены с неолита. Северный Кавказ с древности считается мостом, связывающим Переднюю Азию со степями Северного Причерноморья и Поволжья, откуда на указанные территории и распространилась культура земледелия [1, с. 94]. Одновременно с проникновением культуры земледелия с Северного Кавказа на соседние территории проникали и достижения во всех областях культуры, в т. ч. и в строительстве. Памятники строительства лучше прочих показывают схожесть в типах построек, строительных приемах, стройматериалах. Особенно показательны в этих вопросах III тыс. до н. э. – время майкопской культуры Северного Кавказа и позднего Триполья Восточной Европы. Собственно, от культуры майкопских сообществ сохранились остатки поселений, укреплений и курганы.

Открытый к настоящему времени археологический материал не позволяет детально охарактеризовать памятники строительства майкопской культуры, но очень хорошо обследованы некоторые памятники Закавказья и Северного Кавказа VI–IV тыс. до н. э., по которым можно судить и о строительстве майкопцев, наследников домайкопских сообществ. Энеолитическая майкопская культура Северного Кавказа относится к III тыс. до н. э. Она получила название от Майкопского кургана [2, с. 743], открытого и обследованного проф. Н. И. Веселовским в 1897 г. в окрестностях г. Майкопа [3, с. 269] (современная территория г. Майкоп на Северо-Западном Кавказе, главном городе Адыгейской автономной области в составе РСФСР). Курган ко времени раскопок имел высоту 11 м и содержал богатый погребальный инвентарь, по художественной ценности близкий искусству Месопотамии и Малой Азии того же времени [3, с. 629; 4, с. 596].

Майкопская культурно-историческая общность относится к сообществам, предшествующим куро-аракской (ранней бронзы) Северного Кавказа. Схожа с ней в Мильско-Карабахской степи и связана своими происхождением с земледельческими сообществами Кавказского Причерноморья и Ирана [4, с. 596]. Строительные памятники Закавказья и Северного Кавказа времени, предшествующего развитию майкопской культуры VI–IV тыс. до н. э., рассматриваются как две группы раннеземледельческих памятников энеолита: первая – на Средней Куре (Западный Азербайджан и соседние районы Грузии) – центральнозакавказская, или шулавери – шомутепинская; вторая – Южное Закавказье (от Нахичевани на западе до Мугани на востоке) – южнозакавказская, или нахичевано-мильско-мучанская. Их существование хронологически: сначала центральнозакавказская, за ней – южнозакавказская. Первая – более ранний этап, вторая – более поздний [1, с. 103]. Культурное сообщество, предшествующее куро-аракскому, представляется как единое древнейшее раннеземледельческое Закавказья IV–III тыс. до н. э. [1, с. 101], формирование которого – VI тыс., расцвет – V тыс. угасание – IV тыс. до н. э. [1, с. 102]. Выявленные отличия на отдельных территориях локально-хронологические [1, с. 101]. Характер поселений для каждого этапа – одинаков, строительство – однотипно, каменный материал – единообразен [1, с. 103]. Это позволяет сравнить строительство майкопцев со строительством предшествующего им единого раннеземледельческого сообщества. Как для первого, так и для второго этапов размещение поселений характерно группами на небольших естественных или искусственных холмах – «телль» (арабское название, соответствующее переднеазиатскому «тепе» – холм, или грузинскому – «гора»). Открыт также ряд поселений в высокой (горной) зоне на естественных речных террасах и в местах слияния рек. Как в речных долинах, так и в высокой зоне поселения состояли из

нескольких холмов – «гора» или «тепе» – у берегов рек. Их площади до 1га или несколько больше [1, с.100, 101].

Примерами таких поселений могут служить Иримисгора на р. Шулаверисгора и Арухно I в правобережье р. Храмы в бассейне правобережья Куры [1, с. 100]. Площади, занимаемые несколькими группами поселений, могли достигать и 500 га: Шулаверисгора, Дангреулигора и др. Расстояния между отдельными поселениями от 0,5 до 1,7 км. Участки между ними использовались для земледелия. Там, где долины рек сужались, поселений меньше. На каждом из поселений – по несколько строительных горизонтов, в которых нет изменений ни в планах построек, ни в их конструкциях, ни в использовании стройматериалов. Это объясняет преемственность в существовании самих поселений [1, с. 103]. Как примеры строительной практики энеолита Кавказа можно привести поселения Шулаверисгора, Иримисгора и Арухно I. На хорошо обследованном поселении Шулаверисгора постройки из кирпича-сырца на глиняном растворе или глинобитные. Выделены три группы построек кругло-овального плана: крупные $d=1,25-2,00$ м, малые $d=0,50-0,75$ м. Крупные – жилые, остальные – хозпостройки. Жилища – однокамерные, куполообразные, высотой не ниже 2,5 м, площадью около 7–17 м². Вход (скорее, лаз) – на уровне выше уровня двора или нижнего уровня пола дома, неправильно четырехугольной формы площадью 0,5–0,6 или 0,6–0,7 м². В стенах узкие световые проемы. Пол – слегка утрамбованная глина. В каждом жилище – вкопанный или вмазанный в глиняный пол очаг яйцевидной формы. Внутри жилищ, кроме очагов, разводили костры. В Шулаверисгора необычайно плотная хаотичная застройка [1, с. 104].

Строительство на всех поселениях однотипно, но на многих нет такой скученности, как на Шулаверисгора. Например, на поселении Иримисгора застройка не столь скучена. Хотя жилища такого же типа, как и на Шулаверисгора, но они сравнительно правильно геометричны и на самом поселении, и внутри помещений. Сама же планировка поселения – круговая с центральной свободной от застройки площадью круглого плана $d=12$ м, вокруг нее тесно примыкающие друг к другу жилища – бытовые ячейки.

Принцип круговой планировки поселений – основной на Кавказе VI–III тыс. до н. э. Он сложился под влиянием древнейших поселений Малой Азии, в частности, хассунских сообществ (Телль-Хассуна, Ярымтепе I и др.) и даже от дохассунского времени (Умм-Дабагия и Телль-Сото) Месопотамии [1, с. 105]. Все поселения природно защищены, на некоторых по периметру поселений – рвы, например, в Арухно I. Назначение рвов, по-видимому, двойное: оборона и ирригация. Арухно I считается более поздним поселением, чем Шулаверисгора, т. к. его постройки разнообразнее, и планировка поселения более четкая [1, с.107]. Принцип круговой планировки поселений характерен и для майкопцев, и для поздних трипольцев в междуречье Среднего Днестра и Среднего Днепра в Восточноевропейской степи (Петрены, Варваровка VIII на Среднем Днестре, Майданецкое – в среднем течении Южного Буга [5, с. 204, 205, 224, 225]). Считается, что тип круговой планировки поселений в Восточноевропейской Степи – от энеолитического населения Малой Азии, продвинувшегося в Степь Восточной Европы через Нижнее Подунавье, но нельзя исключить и влияние населения Кавказа. Считается также, что глинобитные постройки тоже только от этого пришлого из Нижнего Подунавья населения, впервые с его появлением распространившиеся в Восточноевропейской Степи, но и в этом случае нельзя исключать и влияние населения Кавказа [5, с. 194; 4, с. 104].

Первое кочевое население в Степи Восточной Европы появилось в середине IV тыс. до н. э., оно в современной истории объединено общим названием «среднестоговско-хвалынская» общность [6, с. 214, 276]. Степное население способствовало культурным связям степняков Предкавказья и Северного Кавказа с Карпато-Балканским регионом, что привело к появлению схожих черт в культурах сообществ на этих территориях [6, с. 281]. От первой половины III тыс. до н. э. в низовьях Днепра и в устье Дона остались памятники так называемых нижнемихайловских сообществ (поселения и курганы [6, с. 287], название

происходит от поселка Михайловка на Нижнем Днепре) [1, с. 105, 106; 5, с. 330]. Поселение Миахайловка, как и майкопские, и предшествующие майкопским «телли», или «гора», разместилось на трех холмах (из них наиболее заселен центральный – большой – и юго-западный). Жилища – полуземлянки овального плана с очагами – это от сообществ Северного Кавказа [5, с. 325]. У нижнемихайловцев была развита традиция строительства курганов, кромлехов, крепид, каменных ящиков и т. д. – от энеолита Северного Кавказа [1, с. 131]. Основа культуры нижнемихайловцев – среднестоговские и позднетрипольские традиции Степи Восточной Европы и майкопские и дольменные Северного Кавказа [6, с. 287]. Близость культур нижнемихайловской и майкопской основана на общей генетической подоснове [6, с. 288].

Кроме нижнемихайловцев, в III тыс. до XVII в. до н. э. в Степи Северного Причерноморья обитали кеми-обинцы (от названия кургана в Крыму – Кеми-Оба, первого исследованного в 1957 г. памятника этой общности). Их территория: от Тамани на востоке (территория обитания майкопцев) до низовий Днепра и Южного Буга на западе, от Крымской степи на юге до широты Днепропетровска на севере [5, с. 331, 332]. Происхождения кеми-обинцев связано с Кавказом [5, с. 328]. Но их поселения отличаются от майкопских: открытого типа, приуроченные к речным террасам [5, с. 332, 333]. Основные памятники их архитектуры – курганы: основные (времени собственно кеми-обинцев) и впускные (принадлежащие предыдущим степным сообществам). В северо-восточной части территории кеми-обинцев, в Приазовье (пограничье с территориями майкопцев и дольменцев Северного Кавказа) наблюдается взаимодействие кеми-обинцев с майкопцами и дольменцами [5, с. 332]. Один из хорошо изученных курганов кеми-обинцев – Межлиманский на Тамани, III тыс. до н. э., материал которого аналогичен материалу курганов Северного Кавказа, является показательным и для майкопцев [5, с. 332, 336].

В конце IV – третьей четверти III тыс. до н. э. в Степи Восточной Европы сформировалась новая культурная общность – ямники (название по способу захоронения под курганами). Ареал этой общности: от Оренбургской степи, района Магнитогорска, бассейна Эмбы на востоке до междуречья Южного Буга и Днестра на западе, от Терека, побережья Азовского моря и Степного Крыма на юге до широты Самарской Луки на Волге, верховьев Дона, широты Киева на Днепре на севере. Схожие с их памятниками встречаются в северных районах Болгарии, в Венгрии, Румынии. Указанное время – этап становления и раннего развития сообщества, памятники которого сопоставимы по времени с памятниками Южной Болгарии и Троей II. Поздний этап существования ямной общности – XXV–XIX вв. до н. э. Ямная культура рассматривается как переходная от эпохи меди к эпохе бронзы. Огромные территории, населенные ямниками, дают основание считать их общность не единой в этническом плане [5, с. 337]. Процесс формирования этой общности следует, по мнению историков, рассматривать как результат длительного взаимодействия различных культурных сообществ и племенных групп. Дальнейшее развитие региональных сообществ ямной культуры различно. В частности, на Северском Донце памятники ямников сменяются памятниками катакомбников (название по способу захоронения) эпохи ранней бронзы [5, с. 352]. Контакты ямников с земледельцами Северного Кавказа просматриваются и в домайкопский период, но особенно они усилились в майкопское время [5, с. 328]. Ямники переняли у населения Северного Кавказа опыт обработки руды и изготовления медных, а потом и бронзовых изделий. Материал этих изделий очень схож с металлами позднего этапа существования майкопцев [5, с. 351]. Контакты ямников с майкопцами носили двухсторонний характер: типичные сосуды ямников найдены в погребениях майкопцев, а весь похоронный обряд воспринят ямниками у майкопцев: положение погребенных, оформление могил, характер курганной насыпи. Зона контактов ямников и майкопцев: от степей Калмыкии до Кубани и Терека. Благодаря подвижному характеру жизни ямников имели место их контакты с поздними

трипольцами усатовской группы под Одессой, которые восприняли от ямников обряд захоронения, точнее от майкопцев через ямников [5, с. 328].

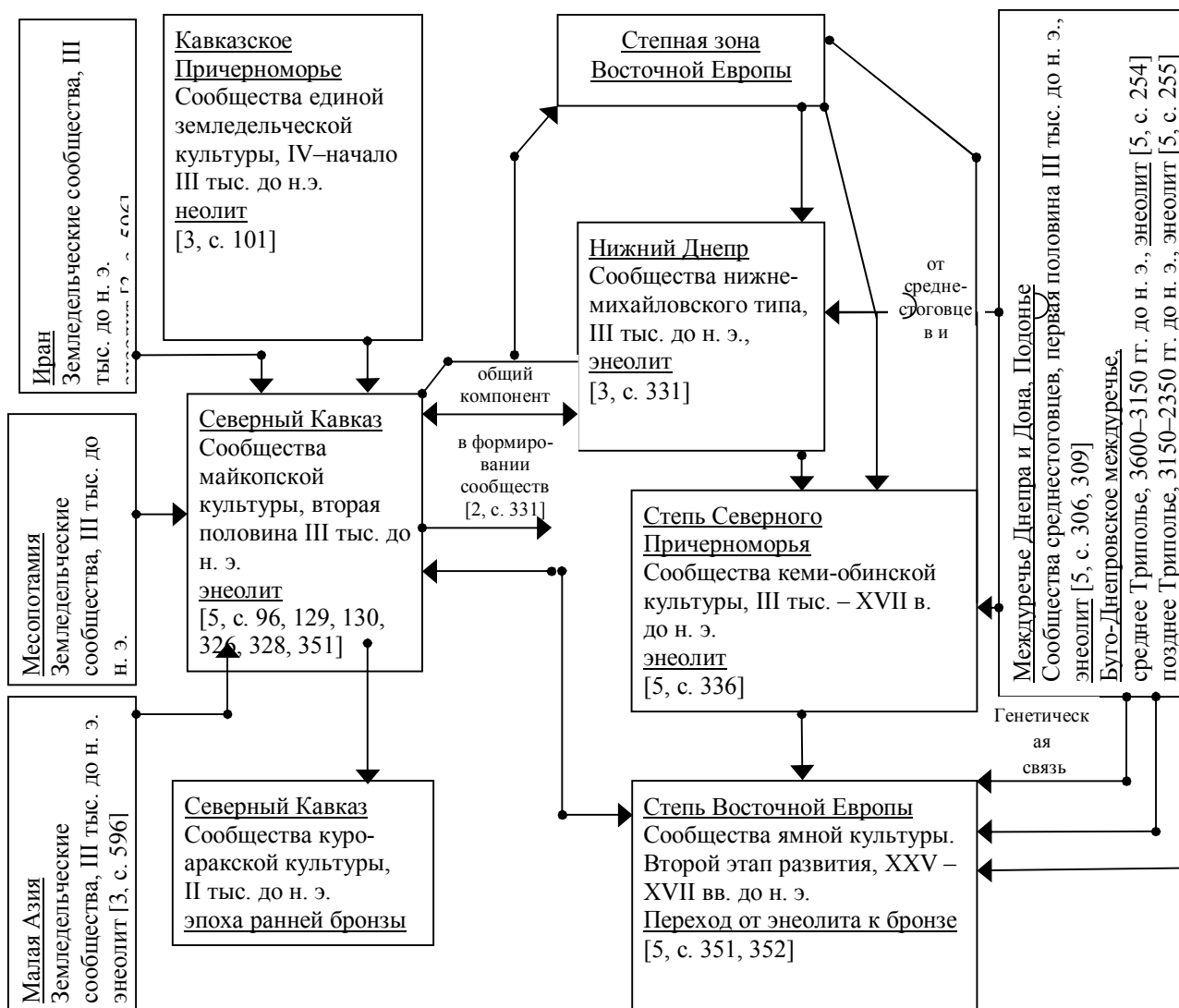

Рис. 1 Схема становления и влияния Майкопской культуры на дальнейшее развитие культурных сообществ соседних территорий

Весь характер культурного развития сообществ позднего энеолита Северного Кавказа и степной зоны Восточной Европы может быть представлен в схеме (рисунок 1), в которой показаны происхождение, преемственность и взаимовлияние отдельных культурных сообществ в указанную эпоху. Одно из ключевых сообществ позднего энеолита в данном ареале – майкопское.

Открытый одним из ведущих археологом России XIX в. проф. Н. И. Веселовским, курган около г. Майкопа на Северном Кавказе дал богаты археологический материал, отличный от ранее известных в этом регионе. Необходима была его фиксация и точное изображение найденных предметов с возможной графической реконструкцией утерянных частей. Для этой цели необходимо было пригласить не только художника, но и историка. Поэтому проф. Н. И. Веселовский обратился к студенту Санкт-Петербургской академии художеств и одновременно студенту исторического факультета Санкт-Петербургского университета Н. К. Рериху, который блестяще выполнил поставленную задачу (в 1897 г. [2, с. 743]). Профессор-археолог Б. В. Фармаковский назвал работу «бесспорно ценным документом» [3, с. 629].

Так совместной работой проф. Н. И. Веселовского и Н. К. Рериха было положено начало изучения майкопской культуры Северного Кавказа, при дальнейшем изучении которой выяснилось ее ключевое участие в формировании культурных сообществ позднего энеолита Северного Кавказа и степной зоны от Оренбурга до междуречья Днестра и Днестра.

Выводы. Таким образом, на формирование архитектуры энеолита Восточной Европы оказало влияние развитие архитектуры энеолита Малой Азии (через Нижнее Подунавье) и Северного Кавказа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археология СССР. Энеолит СССР [Текст] / [АН СССР, Ин-т археол.]. – М.: Наука, 1982 – 359 с.
2. Советский энциклопедический словарь [Текст] / [гл. ред. А. М. Прохоров, Изд. 2-е]. – М.: Советская энциклопедия, 1982. – 1600 с.
3. Петербургский Рериховский сборник II – III (Николай Рерих. Археология. Книга первая: материалы императорской археологической комиссии 1892–1918) [текст]. – Самара: Изд. Дом «Агни», М. 1999. – 798 с.
4. Искусство стран и народов мира. Архитектура. Живопись. Скульптура. Графика. Декоративное искусство: [краткая художественная энциклопедия]: в 5 т. [Текст]. Т. 3.: Молдавская советская социалистическая республика – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика. – М.: Советская энциклопедия, 1971. – 768 с.
5. Археология Украинской ССР: в 3 т. Т. 1: Первобытная археология [Текст] / [АН СССР, Ин-т археол.]. – К.: Наукова думка, 1985. – 565 с.
6. Давня історія України: в 3 т. Т. 1: Первісне суспільство [Текст]. – К.: Наукова думка, 1997. – 558 с.